

Вопросы Истории Естество- знания и Техники

1
2009

Материалы к биографиям ученых

Г. А. САВИНА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВИНОГРАДСКИЙ

(по страницам документов и воспоминаний)

В конце 1990-х гг. фонд С. Н. Виноградского, хранящийся в Архиве РАН, пополнился новыми поступлениями из Института микробиологии РАН, которые, в частности, включали оригинал воспоминаний, ранее считавшийся утерянным, три объемистые тетради дневников и личную переписку. Эти материалы позволяют увидеть известного ученого, первооткрывателя хемосинтеза и основателя экологического направления в микробиологии, в новых, малоизвестных ранее обликах: музыканта-виртуоза, спортсмена-альпиниста, удачливого предпринимателя и талантливого публициста. Некоторые наиболее интересные фрагменты этих материалов автор настоящей статьи и хотел бы предложить вниманию читателей.

Ключевые слова: биография С. Н. Виноградова, история микробиологии, российская усадьба начала XX в., российская эмиграция

Имя классика микробиологии и открывателя хемосинтеза Сергея Николаевича Виноградского известно не одним историкам науки. Жизнь известных людей становится объектом не только научного интереса, но и интереса общественного, так как социальный аспект любой биографии (будь то писатель, ученый или деятель искусства) понятен широкому кругу людей, которые так или иначе интересуются историей мирового культурного наследия. Написанная в последние десятилетия история массовых репрессий, крестного пути российской эмиграции, жизни в обществе несвободы имеет историко-научную составляющую, которая крепкими нитями связывает отечественную научную элиту с гражданской историей страны. Жизнь Виноградского была частью этой истории – радость научных открытий и полное материальное благополучие молодых и зрелых лет, соседствуют в ней с горьким уделом изгнания, пришедшегося на долю уже немолодого и не стремившегося к жизненным переменам человека.

Детство Сережи прошло в уютной буржуазной атмосфере семьи видного банковского деятеля и его супруги – первой красавицы, принадлежавшей к младшей ветви гетманского рода Скоропадских, которые проживали в своем доме в самом центре Старого Киева. Окончив в 1873 г. вторую Киевскую гимназию, будущий ученый поступил на юридический факультет Университета св. Владимира. Буквально через месяц учебы здесь он перевелся на естественное отделение физико-математического факультета. А еще через два года, отучившись шесть семестров, он бросает университет и, удивив всех, становится студентом Петербургской консерватории.

В 1877 г. Виноградский вновь поступил на второй курс естественного отделения физико-математического факультета, но уже Петербургского университета, который окончил в 1881 г. и был оставлен при нем, как большинство талантливых и подающих надежды студентов для подготовки к профессорскому званию. На последних курсах университета, в 1879 г., в жизни будущего ученого произошло важное событие – он женился на Зинаиде Александровне Тихоцкой, с которой совместно прожил 60 лет, воспитав четырех дочерей.

В ноябре 1885 г., не нарушая традиций подготовки русской профессуры, включавших стажировку в европейских университетах, Виноградский отправляется в Страсбург в лабораторию знаменитого микробиолога Г. А. де Барри. Еще три года (1888–1891) он провел в Цюрихе, где выполнил цикл работ о микроорганизмах, отвечающих за процесс нитрификации в природе. Здесь же он сделал главное свое открытие, выдвинувшее его в число ведущих ученых того времени. Виноградский объяснил процесс хемосинтеза – образования некоторыми микроорганизмами органических веществ из двуокси углерода за счет энергии, получаемой при окислении неорганических соединений. С того момента он стал желанным сотрудником для любого научного учреждения.

Самым заманчивым из последовавших приглашений было переданное через И. И. Мечникова приглашение Пастера переехать в Париж для работы в Пастеровском институте. Почти одновременно из Петербурга от принца А. П. Ольденбургского пришло предложение возглавить Отдел общей бактериологии в только что образованном Императорском Институте экспериментальной медицины. Не желая терять связь с Россией, Сергей Николаевич выбрал Петербург. Институту экспериментальной медицины он посвятил почти 15 лет жизни, но к 1905 г. в его жизни наступает творческий и моральный кризис, в результате которого он оставляет науку и удаляется в Городок – свое имение в Подолии. Здесь он вплоть до своей вынужденной эмиграции в январе 1920 г. занимается исключительно хозяйством и предпринимательской деятельностью. Революция и гражданская война заставили его спешно покинуть родину и уехать в Европу. Попытка обосноваться в Белграде не принесла ему должного удовлетворения, поэтому в 1922 г. Виноградский с радостью принял предложение директора Института Пастера в Париже Э. Ру возглавить отделение почвенной микробиологии и поселиться в Бри-Комт-Робер под Парижем. Так желание Пастера 30-летней давности иметь в своем институте Виноградского оказалось, можно сказать, реализованным. Остаток своей долгой жизни (а прожил он 96 лет) Сергей Николаевич занимался

*С. Н. Виноградский
в возрасте около 60 лет*

любимой микробиологией, став основоположником ее экологического направления. Умер он в 1953 г., похоронен в Бри-Комт-Робер. Такова в двух словах канва его жизни.

При жизни Виноградский не стремился к тому, чтобы факты его биографии стали достоянием общественности, хотя такие попытки со стороны заслуженно уважавших его коллег предпринимались. Своему другу и биографу З. А. Ваксману (Нобелевскому лауреату 1952 г.) он рекомендовал издать уже написанную им биографию только после своей смерти. Ваксман выполнил волю Сергея Николаевича – его книга вышла уже после кончины ученого¹. Усилиями сотрудников Санкт-Петербургского института экспериментальной медицины она была переведена на русский язык и издана вместе с другими материалами об ученом в прекрасном сборнике «Рассказы о великом бактериологе С. Н. Виноградском»². Однако оказалось, что время сохранило для нас еще один уникальный источник о жизни и деятельности ученого – воспоминания самого Виноградского «Летопись нашей жизни», написанные им в 1941–1942 гг. в оккупированной немцами Франции и посвященные супруге – З. А. Виноградской.

Архив РАН – хранитель этой ценной реликвии – уже приступил к подготовке полного издания воспоминаний. Однако некоторые их фрагменты, по нашему мнению, заслуживают отдельной журнальной публикации уже сейчас: они не только добавляют ценные подробности к «хрестоматийной» биографии Виноградского, но и обогащают психологический портрет хорошо известного ученого «бытовыми» подробностями благодаря возможности ближе познакомиться с некоторыми обстоятельствами его частной жизни. Это еще одна возможность взглянуть «изнутри» на жизнь талантливого и увлекающегося человека, познавшего и лавры славы, и тернии изгнания.

Только милостью Божьей

Уже упоминавшийся З. А. Ваксман в 1925 г. написал статью, в которой роль музыки в судьбе Виноградского была преувеличена до размеров фактора, влияющего на научное творчество ученого. До опубликования своего эссе он показал написанное Сергею Николаевичу, и получил в ответ письмо, в котором говорилось: «...Я вычеркнул все, что было сказано относительно влияния музыки, которой я не обязан своими научными достижениями, а как раз наоборот»³.

Страсть к музыке и большую музыкальную одаренность Сергей, так же, как и его старший брат Александр (впоследствии ставший профессиональным музыкантом и директором Киевского отделения Русского музыкального общества с 1886 по 1912 гг.), унаследовали от отца – Николая Константиновича Виноградского, который, не играя ни на одном из музыкальных инструментов, был завсегдатаем всех концертов и оперных премьер. Отец отно-

¹ *Waksman, S. A. Sergei N. Vinogradsky. His Life and Work. The Story of a Great Bacteriologist. New Brunswick, 1953.* Недавно вышла в свет книга Г. А. Заварзина «Три жизни великого микробиолога. Документальная повесть о Сергее Николаевиче Виноградском». (М., 2008), которая может претендовать на роль научной биографии, написанной на современной источниковой базе.

² Рассказы о великом бактериологе С. Н. Виноградском / Сост. Ю. А. Мазинг, Т. В. Андрушкевич, Ю. П. Голиков, пер. С. Борисова под ред. Ю. А. Мазинга. СПб., 2002.

³ Там же. С. 130.

сился к музыке «не как обыкновенный любитель, он *служил* ей, и как-то молитвенно ею проникался»⁴. Когда Сергею было 6 лет (Александр старше на год), в дом был приглашен учитель музыки – некто Галама⁵, который слыл мастером «ставить руки». У самого учителя была повреждена кисть одной руки, и к инструменту он не подходил вообще, предпочитая обучать исключительно словом. Киев в начале 60-х гг. XIX в. еще оставался культурной провинцией, где не было ни одной детской музыкальной школы. Домашние занятия под присмотром Галамы продолжались шесть лет. В своих воспоминаниях Виноградский писал:

Можно удивляться, как после такой школы или, вернее, школенья мальчишки сохранили вкус к музыке. Или же дети тогда обладали более толстой шкуркой, чем нынешние, или же оба мальчика носили в себе тягу к музыке, так сказать неискоренимую.

Постепенно братья сами стали выбирать себе музыкальные пьесы и играть в четыре руки, а Галама перешел в наследство младшей сестре Марии, которая не отличалась музыкальной одаренностью братьев. С момента возникновения в Киеве отделения Русского музыкального общества картина резко изменилась: в городе появились настоящие музыканты, стали концерттировать столичные и зарубежные знаменитости. Отдавая большую часть досуга музыкальным увлечениям, братья Виноградские окончили с золотыми медалями вторую Киевскую мужскую гимназию и поступили в Университет. Уже на третьем курсе Сергей принял неожиданное для окружающих решение бросить университет и отправиться в Петербург, чтобы там учиться музыке. Впоследствии, в воспоминаниях он писал об этих событиях:

Почти одновременно с началом моего студенчества Киевская музыкальная школа, которая вела незаметное существование, выросла в консерваторию⁶. Появились настоящие музыканты и артисты, между прочим, два пианиста, окончивших с отличием Петербургскую консерваторию по классу Лешетицкого – Ходоровский и Пахульский. Немедленно завелось знакомство, принимали их в доме. Сблизился с Ходоровским – очень легкомысленным малым, но, несомненно, талантливым артистом, прошедшим выдающуюся школу. И вот стал посещать его класс, и так как уровень учащихся и благородных девиц был невысокий, то я очень скоро стал, так сказать, блистать. Выступление мое с сонатой Бетховена на годовом испытании вышло сенсационным, или мне таковым показалось. Последствием успехов была усиленная, непобедимая тяга к музыке. Серые университетские впечатления не выдерживали никакого сравнения с яркими, захватывающими музыкальными.

⁴ Здесь и далее цитируются фрагменты воспоминаний С. Н. Виноградского «Хроника нашей жизни», которые поступили в Архив РАН в 1999 г. вместе с другими документальными материалами из Института микробиологии РАН. Эта группа новых поступлений в настоящий момент еще не присоединена к фонду № 1601 – Виноградский С. Н., поэтому не имеет традиционных архивных шифров.

⁵ Галама (Голома, Гамяма) Доминик Игнатович – чех по происхождению, известный киевский музыкальный педагог, преподававший на дому.

⁶ Речь идет не о консерватории, открывшейся в Киеве в 1913 г., а о Киевском музыкальном училище, учрежденном в 1868 г.

Заветной мечтой молодого киевлянина стала учеба у блистательного пианиста и виртуоза Теодора Лешетицкого⁷.

За год до смерти отца братья Виноградские получили от него последний подарок – возможность отправиться за границу в немецкий Байрёйт на премьеру «Кольца Нибелунга», четырех эпических опер Р. Вагнера, которые исполнялись в течение четырех вечеров подряд. На премьеру и открытие нового театра «Фестшпильхаус» в августе 1876 г. съехались музыкальные знаменитости со всего света. И хотя Сергей и Александр побывали в музыкальной Мекке на вагнеровском фестивале еще раз в 1885 г., именно первые впечатления о нем, связанные с памятью об отце, остались на всю жизнь.

Петербург встретил молодого ценителя прекрасного неприветливо. Виноградский не имел тогда родственников или друзей в северной столице и снял меблированные комнаты неподалеку от консерватории. Он стал усердно заниматься – знаменитый маэстро не работал с новичками. В конце учебного года в класс Лешетицкого он был принят. О манере преподавания маэстро Виноградский писал следующее:

Обстановка была такая: за одним роялем сидел он, за другим, рядом, ученики исполняли свой номер; в случае, если музыкальная фраза его не удовлетворяет, учитель «перехватывает» ее у ученика и повторяет по-своему, после чего ученик должен немедленно ее воспроизвести в том духе, как указано. Кому это не удавалось, тот не мог продолжать работу у Лешетицкого. Помню случай, который поразил меня. Директор Давыдов приводит лично в класс некоего Брюкнера из Варшавской консерватории, пианиста уже концертирующего. Приглашенный к роялю, он с изумительным блеском исполняет большой трудности этюд. Следуют поздравления, рукопожатия, приглашение жаловать в класс для дальнейшего усовершенствования, если сие еще возможно, и тому подобное. Но на первом же уроке он плохо воспроизводит поправки Лешетицкого; он, оказывается, не обладает той степенью чувствительности (*sensibilité*), какую Лешетицкий считает необходимой для музыкального развития в духе его школы. Лешетицкий явно недоволен. На второй урок дело идет еще много хуже. Лешетицкий вдруг срывается, бежит к двери в коридор, широко открывает ее и жестом просит Брюкнера удалиться. Тот мигом исчезает, чтобы больше не возвращаться. Со мной Лешетицкий, нервный человек с большими черными глазами, длинными тонкими пальцами (пальцы, как змеи, говорил я себе, смотря на его игру), страшно темпераментный, нетерпеливый и раздражительный, знаков нетерпения никогда не показывал. Он причислял меня к обладающим *sensibilité*, что как-то мимоходом и выразил.

Но увлечение музыкой вскоре привело Виноградского к кризису. Он почувствовал разницу между образовательным уровнем студента университета и консерваторца – и не в пользу последнего. Если же музыкальный талант не был, что называется, «от Бога», и музыка не стала главным содержанием

⁷ Лешетицкий (Leszetycki) Теодор (Федор Осипович) (1830–1915) – польский пианист и педагог. Ученик К. Черни. В 1852–1878 гг. жил в Петербурге, в 1862–1878 гг. – профессор Петербургской консерватории. С 1878 г. работал в Вене. Развивая принципы исполнительного искусства А. Г. Рубинштейна, выработал свою педагогическую систему и создал одну из крупнейших школ фортепьянного исполнительства. Его ученики – А. Н. Есипова, В. Пахульский, И. Падеревский, А. Шнабель и мн. др.

жизни, то разумный путь – вернуться в мир иных интеллектуальных интересов, посвятив досуг чтению и учебе. Много лет спустя, восстанавливая этот период своей жизни по дневниковым записям⁸, Виноградский написал:

Все чаще и настойчивее возвращалась мысль, что жить одной музыкой для меня невозможно. Ею жить могу только моментами, периодами при особом приподнятом настроении, а в промежутках? Ощущение пустоты. Голова бездействует, нет интеллектуальных интересов, обычные знания чужды. Остаться невежественным и глупым, вроде стольких консерваторцев? Очень возможно, что путем усердной и систематической работы я дойду до высших степеней пианизма, но это мне, может, послужит только для того, чтобы стать преподавателем, если иметь в виду карьеру. Карьера эта меня не привлекает, так как в средствах жизни нет недостатка. Не сделал ли грубую ошибку, оставив университет? Нет лучше музыки для отдыха, для украшения жизни, мистических настроений, но кроме этого мне нужна умственная работа.

Эти настроения усугубил отъезд Лешетицкого в Вену. И Виноградский принял решение вернуться на естественное отделение университета, но уже в Петербурге, и не на третий курс, на котором он учился в Киеве, а на второй. В 1877 г. он вновь становится студентом и приобщается к научной школе известного петербургского ботаника А. С. Фаминцына, которая стала надежной основой для его будущих открытий в микробиологии.

Музыка оставалась любовью и духовной потребностью Виноградского на протяжении всей его жизни. Уже взрослым человеком, в 1890-е гг., он освоил второй инструмент – виолончель, очарованный ее глубинными, «грудными» звуками. Были приобретены инструменты знаменитого французского мастера Бернарделя, чудесный звук которых часто раздавался из окон жилища знаменитого ученого-естествоиспытателя. Он писал:

Пришлось, конечно, засесть за букварь мне, старому любителю. Впоследствии не только не разочаровался в этой затее, но, напротив, все более и более увлекался с годами, несоразмерно много времени тратил на упражнения, покупал и таскал с собой при передвижении свои виолончели, то одну, то другую. Доучился до возможности участвовать прилично в трио и квартете, и было время, когда вечерами камерная музыка играла большую роль в жизни семейства. Но по части достоинств своих как виолончелиста иллюзий себе не делал. Малая рука, короткие пальцы, несмотря на упражнения, трудно справлялись с виолончельной техникой, существенно отличной от фортепианной. Главное же, не удалось выработать красивого тона. Все же остался верен инструменту долгие годы до русской разрухи, когда проданный мной инструмент подкрепил мой тощий карман.

Все его четыре дочери (Зинаида, Татьяна, Екатерина и Елена) играли на музыкальных инструментах и участвовали в домашних концертах, на которые зачастую приглашались и музыкальные знаменитости. Однако к себе в роли

⁸ Работая над мемуарами, Виноградский перечитал свои дневники и иногда использовал фрагменты дневниковых записей, описывая в воспоминаниях то или иное событие. Из шести дневников, упомянутых автором в воспоминаниях, на сегодняшний день известно место нахождения четырех: один включен в состав фонда № 1601 (АРАН) и три находятся в составе новых поступлений к фонду.

музыканта Сергей Николаевич относился строго, даже сурово. Он утверждал, имея в виду свое детство:

Все же ряд годов, и самых ценных для развития музыкальных способностей, был потерян. Известно ведь, что именно в детские годы усваиваются особенно быстро и легко – разумеется, у одаренных музыкально детей – и «мускульное чувство», необходимое для игры на инструментах, в котором самая основа ловкости рук, и вообще «музыкальный язык». Упущенное тут никакими усилиями нельзя вознаградить впоследствии, не только в зрелом возрасте – об этом и речи не может быть, но и в юном еще, скажем, после 12–14 лет. Этим упущением я объясняю тот изъян, который ощущаю в себе по музыкальной части: нет непосредственности, нет дара бессознательного, автоматического усвоения, вдохновенных импульсов, исходящих из подсознательной области, – словом, почти нет тех качеств, которыми отличается истинный виртуоз – художник Божьей Милостью.

«Здесь тучи смиренно идут подо мной...»

Находясь в Швейцарии, тридцатилетний Виноградский увлекся альпинизмом, и сделал определенные успехи на этом новом для себя спортивном поприще. Описывая события лета 1886 г., он вспоминал о следующих настроениях:

Что предпринять в вакационное время? Не сидеть же в городе [...] Кончил тем, что нанял виллу в Интерлакене, куда все потом и отправились. В первый раз увидел альпийский пейзаж: *Jungfrau*, *Mönch* и *Eiger*⁹, известная тройца, одетая глетчерами. Сразу пробудился интерес к этому незнакомому миру. Знакомство это возможно только при помощи альпийского спорта. Стал поглощать литературу альпинизма, знакомиться с его техникой, казуистикой, с его *champion*'ами. Повеяло духом подвигов, и, в конце концов, решил, что живя под Альпами, я просто не могу отказать себе от попытки ближе их узнать, чего бы мне это ни стоило, и несмотря на некоторый риск. Стал тренироваться, ежедневно проделывая крутые восхождения по 2–3 часа, сильно потел. Начитался, начинился советами и указаниями. Наконец, завел сношения с гидами и отправился в *Grindelwald*, откуда делаются восхождения в группе Бернских Альп (*Berner Alpen*)...

С двумя гидами, как полагается, «сделал» *Wetterhorn* (3600 м), потом *Jungfrau* (4200) и *Aletschhorn* (столько же), что взяло 8–10 дней, среди глетчеров, фирнов и голых скал с ночевками в *Klubhütte*¹⁰ и маленьких горных приютах. Испытал, можно сказать, муку предельную в степени неожиданной! Многочасовые восхождения по крутым тропинкам над безднами, ручьи пота, жгучее солнце (отражение от снегов и льдов), порывы ледяного ветра со снежной пылью, отдых и ночевки в *Alpenhütte*'ax¹¹ на гнилой соломе, без сна из-за грома обвалов и храпа *Führer*'ов¹²; подъем на ледяную стену, карабкаюсь по вырубаемым ледяным ступенькам, держась руками за них же и прижимаясь к стене туловищем (такое карабканье на самую верхушку *Jungfrau*

⁹ Юнгфрау, Менх и Эйгер – горные вершины Бернских Альп высотой 4158, 4104 и 3970 м над уровнем моря.

¹⁰ Хижина клуба (нем.)

¹¹ Альпийских хижинах (нем.)

¹² Гидов-руководителей (нем.)

продолжается более 2-х часов); эквилибристика над безднами и тому подобное. К крайним физическим усилиям примешивается и страх, так как опасности со всех сторон грозят, то сверху, то снизу. Таковы доминирующие впечатления жителя равнины, попавшего в глетчерную полосу. Конечно, после некоторой тренировки идешь спокойнее и увереннее, в особенности, когда убеждаешься, что головокружению не подвержен и что можешь стоять или висеть над пропастью и смотреть вниз, не боясь сорваться. Все же спорт тяжелый, даже для *champion*'ов, и полный опасностей. Эти опасности очень наглядно представились мне в виде трех трупов – англичанина и двух гидов, – с которыми мы встретились при выходе из *Grindelwald*'а. Все были убиты ледяной лавиной под *Schreckhorn*'ом ¹³, и *équipe* ¹⁴ гидов, человек 20, тащили трупы, спеленутые одеялами и окруженные веревками. Я с 2-мя гидами шли как раз на самую серьезную экскурсию: к ночи до *Bergli-hütte* под *Eiger*'ом, в 1 час ночи через *Jungfrau-Firn* на ледяной конус. Мои два гида удвоили шаги, не оглядываясь, и я за ними – будь, что будет! Обошлось все совершенно благополучно, благодаря поистине великолепной погоде, с начала и почти до конца моих альпийских странствий. Впечатление от них осталось огромное, на всю жизнь. Все усилия, порой мучительные, искупались несколькими моментами интенсивнейшего, восторженного, словами невыразимого любования. Сказочный мир, неземная обстановка! [...] Осталось и удовлетворение: решился, выполнил, видел вблизи «потоков рожденье и первое грозных обвалов движенье» ¹⁵. Было и приключение: при переходе через ледяной гребень сорвался и поехал вниз на спине, но повис на веревках [...] Домой вернулся сильно похудевший, весь в синяках и царапинах, с загаром кирпичного цвета и облупленной физиономией, с подошвами ног, сильно обмозоленными. Но потом период, полный небывалой для меня жизнерадостности. Разительный пример тонического действия физической работы на мою конституцию.

На следующий год были Монблан, французские Пиренси, итальянские Аппенины. Свои чувства на вершинах покоренных гор Сергей Николаевич сравнивал с «молитвенным настроением», когда красота и гармония переполняют душу, вселяют уверенность, прибавляют силы. Вообще же, он считал, что у многих натур заложено атавистическое стремление к опасным приключениям. Себя в молодости он также причислял к разряду таких людей. Он писал о себе в юности:

Запоем читал о путешествиях в полярные страны или в черный континент. Жизнь пошла в другую сторону и отклонила меня прежде участия в смелых предприятиях. Эти альпийские странствия были своего рода *Ersatz*'ом ¹⁶. От них не мог удержаться. Надо было, чтобы хоть какие-нибудь «подвиги» украшали мои буржуазные переживания.

¹³ Шрекхорн – вершина 4078 м. над уровнем моря, в переводе с немецкого – «Рог страха».

¹⁴ Команда (*фр.*)

¹⁵ Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Кавказ»: «Отселе я вижу потоков рожденье / И первое грозных обвалов движенье».

¹⁶ Эрзац, заместитель, подражание, имитация (*нем.*)

История одного негатива

На фотографии мы видим небольшую, уютную помещичью усадьбу, утопающую в благодатной зелени цветущего края. Это – дом «останнего власника» (по-русски – последнего владельца) местечка Городок, что находился в Подолье на Украине, Сергея Николаевича Виноградского.

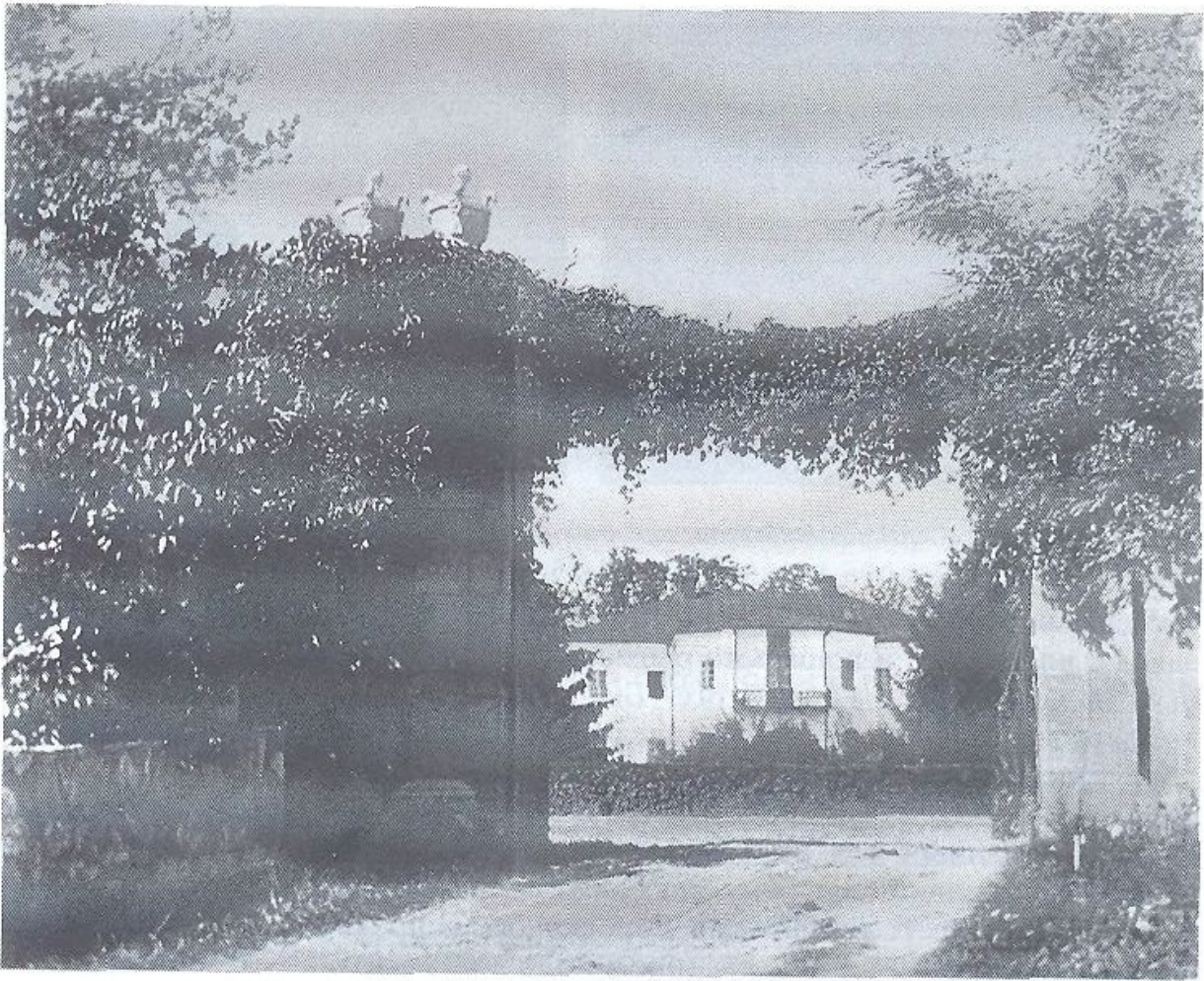
Отец Виноградского – Николай Константинович Виноградский – купил имение разорившейся помещицы баронессы Н. Ф. Гейсмар с аукциона в 1870 г. и полюбил это уединенное место всей душой. Неброская красота необъятных малороссийских просторов, живописные холмы, речка Смотрич (приток Днестра), почти две тысячи десятин собственного леса, в котором преобладали ценные породы деревьев, – все это делало Городок любимым пристанищем семейства на лето, а также вселяло надежду на то, что со временем имение станет родовым гнездом для его детей, внуков и правнуков. Отцу удалось также модернизировать старый сахарный завод и организовать «Товарищество на паях сахарного завода “Городок”», которое не только стало приносить ему стабильный ежегодный доход, но и оживило экономическую жизнь провинциального местечка. Н. К. Виноградский скончался в июле 1877 г. и был похоронен здесь же, на сельском кладбище. Все его немалое наследство перешло к семье, но находилось в управлении доверенного лица матери, которая продала дом в Киеве и поселилась в Городке на постоянное жительство, где вела типичный для помещицы тех мест образ жизни, став заодно «почетной блюстительницей» городокского сельского двухлетнего училища. Такое положение вещей продолжалось до 1892 г., когда члены семьи пришли к единодушному решению о дальнейшем раздельном пользовании наследством отца. Капитал был разделен поровну между матерью и сестрой, а подольские черноземные земли достались братьям Александру и Сергею, которые становились помещиками и крупными земельными собственниками края.

Сергей Николаевич вступил во владение Городком со смешанным чувством: с одной стороны, он был рад с детства любимой усадьбе, с другой – на него ложился груз моральной ответственности за материальное будущее своей немалой семьи, основным доходом которой отныне должен был стать доход от эксплуатации земель и грамотного ведения хозяйства. Примерно в это же время, в 1891 г., ученый принял приглашение из Петербурга занять должность заведующего отделом общей бактериологии в новом Императорском Институте экспериментальной медицины, в котором и прослужил до 1905 г. (а номинально, являясь действительным членом института, до 1912 г.), занимая с 1902 г. должность его директора.

Более 10 лет делил Виноградский время между Петербургом и Городком, проводя все вакации и свободное время у себя в усадьбе, а рабочие будни в столице. Свежие впечатления от Городка в своих воспоминаниях он выразил так:

И вот что оказалось тошнотворным – это роль «помещика». Ее никак нельзя было избежать. Значит это – несколько визитов чиновникам, посещение церковных служб (хоть и редкое), сношения с крестьянами, не всегда дружеские [...] Наконец, прием начальствующих вроде начальника края графа Игнатъева ¹⁷, отвратительной жирной фигуры, заглянувшей в Городок с

¹⁷ Игнатъев Алексей Павлович (1842–1906) – граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, генерал-губернатор Киевский, Подольский и Волынский, убитый террористом-эсером С. Н. Ильинским 8 декабря 1906 г.

Имение Городок. Начало XX в.

целью принятия мер против католического прозелитизма и тому подобных. Приходилось делать насилие над собой, чтобы быть «на высоте» исключительного положения среди десятка тысяч жителей местечка Городок. Все это резко противоречило моим вкусам и привычкам, но ничего не оставалось, как покориться, причем, конечно, сведя помещичьи традиции до крайнего *minimum'a*.

Попав в имение, он недолго отдыхал после петербургской службы, а сразу же принялся за другую работу – деревенскую. Была изучена научная литература по лесоводству, садоводству, мукомольному делу, приглашены консультанты, наняты рабочие. Но настоящей страстью новоявленного помещика стал лес.

И вот стал ездить туда каждый день и обхаживать его квадрат за квадратом, все 43, с планом в руках вдоль и поперек, пока не вынес определенного понятия о характере насаждений всюду. День за днем бродил в лесной глуши в полном одиночестве часов по четыре – пять, до усталости. Было чудно, чувствовалось великолепно, тем более, что, наслаждаясь лесом, я вместе его изучал, вырабатывая «лесной глазомер», столь необходимый для всякого лесничего или лесохозяина [...] До конца Городка хранил огромную кипу тетрадей с данными обмера. В них были полные сведения о дубовом запасе, заглянув туда, я сразу находил в них сведения, где найти дубы определенного размера и качества и сколько их в каждом квадрате.

Сельскохозяйственные работы в усадьбе. 1910-е гг.

Через несколько лет в Городке появилась своя конюшня, а затем и конный завод с племенными лошадьми рысистой породы и производителем, купленным на выставке в Петербурге. Были реставрированы старые мельницы и построены новые – общим числом 9. В помещичьих лесах появилось нововведение, ранее не виданное в крае: рубка леса узкими 20-саженными деланками, прореживание молодой поросли, посев желудей, посадка молодняка и созданный для этих целей специальный питомник ценных пород деревьев. В имении было введено 11-польное хозяйство, приносящее существенный доход. А в 1902 г. в Городке было предпринято строительство образцовой фермы на приусадебном поле в 40 десятин. Половина большой каменной постройки, воздвигнутой в центре участка, пошла под маточную конюшню с просторными денниками, вторая половина – под коровник. В коровнике, населенном животными «швицкой породы», ясли тянулись вдоль центрального прохода, что позволяло наполнять их кормом прямо с телеги. В обе половины постройки была проведена вода, устроены стоки для нечистот и прочие приспособления, делавшие ферму сельскохозяйственной диковиной. Виноградский писал о своем образцовом хозяйстве в 1940-е гг., проживая уже во Франции:

Словом, благоустройство полное, какого не случалось видеть нигде ни до постройки, ни позже. Фермой этой с окружающими ее полями я очень тешился, тем более что земля на этом участке была чернозем (по большей части), и культуры (люцерны, свеклы, овса, кормовой кукурузы) были роскошные.

Существует расхожее мнение, что если человек талантлив, то, как правило, талантлив во всем. Виноградский в роли хозяина земли и предпринимателя лишний раз доказал это. Новая сфера деятельности так захватила его, что он стал думать о том, чтобы посвятить ей себя всецело. Впервые эти настроения встречаются у него в 1894 г.:

Успехи подбодряли. Шевелились интересные идеи. И вдруг мысль: лето близится к концу, скоро в Петербург, во тьму и слякоть! Тут в первый раз мелькнула мысль избавиться от этого конфликта интересов, бросить службу и основаться в Городке навсегда.

Чувство долга перед институтом, пригласившим его в свои ряды, удерживало Виноградского в Петербурге до 1905 г. Революционные события, разыгравшиеся в столице и не сулившие спокойного будущего «капиталисту и помещику», лишь раз убедили его в том, что его стезя – на земле, в глуши, в деревне, за любимым делом.

Последующие 15 лет мировая научная общественность гадала, что же произошло с выдающимся ученым Виноградским и почему его имя больше не мелькает на страницах научных изданий. Только находясь в эмиграции в Югославии, в 1922 г. он опубликовал первую статью после долгого перерыва¹⁸, и научное сообщество приветствовало возвращение «на круги своя» прославленного мэтра микробиологии. Сам же Сергей Николаевич никогда не жалел тех лет, которые всецело посвятил Городку, а называл их самыми счастливыми в своей жизни.

В 1905 г. он ликвидировал свою собственность в Петербурге – освободил квартиру (Пермская, д. 2), перевез мебель, рояль и виолончели, картины и всю обстановку в Городок. Он писал об этом времени:

И вот, вечером, после рабочего дня брожу один и люблюсь посаженными яблоньками, и так дороги мне они, и роятся планы без конца, и чувствуется страстное желание затратой усилий и средств довести этот уголок плодородной земли до высокой степени культуры и прелести. И мнится, не в этом ли призвание последнего периода моей жизни и занятие, к которому у меня больше всего вкуса. Мечты эти дали мне мир и покой, а также радость, что покинул Институт и освободился от более или менее утомительных и бесплодных напряжений [...] В час золотого заката я охватывал взглядом все кругом и был счастлив! Одного не хватало: сочувствующей души, разделявшей во всех деталях мои чувства. Пройтись с той или другой случайной компанией, рассеянно поглядывающей кругом и похваливающей или поддакивающей, было мне мало...

Сегодня часто приходится слышать, что не хватает хозяина на земле. Не таким ли умным, образованным, преданным делу хозяином был последний помещик Городка, окончивший дни своей долгой жизни на чужбине, вдали от родных и любимых мест? С началом Первой мировой войны молодые члены семьи разлетелись по белу свету: зятья пошли на военную службу, дочери стали сестрами милосердия, супруга оказывала помощь родственникам сначала в Верхнеднепровске, а затем в Киеве. Оставшись практически один в своих владениях на три года, Виноградский не сложил руки, наоборот, он достиг огромных успехов в своих хозяйственных начинаниях вопреки военным действиям, театр которых находился совсем рядом, в непосредственной близости от имения. «Мне, шестидесятилетнему, – писал впоследствии Виноградский, – представлялось вести дело дальше. Другого выхода не было, и я его и не искал...». В своем хозяйстве он получал невиданные урожаи, несмотря на прифронтовые трудности: непросто было найти работников мужского пола; вся его образцовая техника – сеялка, жатвенные машины, сноповязалки, царовая молотилка осталась без запасных частей по причине эвакуации из Городка ремонтно-механического завода А. А. Ефимова; все конюшни по недосмотру

¹⁸ *Winogradsky, S. Eisenbakterien als Anorgoxydanten // Centralblatt für Bakteriologie. II. Abt. 1922. Bd. 57. S. 1–21.*

персонала были заражены сапом, с которым он боролся долгих полтора года. Но препятствия были преодолены, так как талант предпринимателя в том и заключается, чтобы найти оптимальный и эффективный ход, когда, казалось бы, ситуация патовая. Сап прекратила поголовная вакцинация и отбраковка больных лошадей по показателям температурной реакции; проблема ремонта техники оказалась решенной введением прогрессивной системы оплаты труда, когда за эксплуатацию машин без повреждений работнику насчитывались специальные, как бы мы теперь сказали, бонусы с каждой обработанной десятины земли; потери урожая были сведены до минимума прямым вывозом зерна на мельницы, минуя склады, фольварки и клуни и т. п. Последним хозяйственным начинанием в Городке, которому не суждено было завершиться, стало строительство электростанции, для чего был приглашен специальный инженер.

1916 г. стал последним годом Виноградского в Городке. Грядущие социально-политические перемены уже зрели в обществе. Глобальных изменений в жизни деревни еще не происходило, но работники уже заговорили о фиксированном рабочем дне, цены на лес стало устанавливать так называемое «общество», а «один младший конюх, мало куда годный, вдруг стал играть роль некоего начальства... Все это не оставляло сомнений, – писал С. Н. Виноградский, – что песня моя в Городке спета и что в ближайшем будущем придется оставить хозяйство в таких невозможных для меня условиях». Он сдал в аренду сахарному заводу свои фольварки и перебрался в Одессу. Чувствуя приближение неизбежных перемен, Виноградский стал размышлять, как ему приспособиться к новым условиям, и даже пришел к мысли разделить свои земельные владения между взрослыми детьми, чтобы выйти, таким образом, из сословия крупных землевладельцев, но продолжать «оставаться на земле». Этим планам не суждено было сбыться. Прорыв Юго-Западного фронта и последовавшая вскоре революция поставили точку на жизни в Городке. Дальнейшее пребывание в имении становилось опасным. «Но что можно было взять с собой? Очевидно, только носильные вещи, кое-какие бумаги и мелочи, ценные по воспоминаниям с ними связанным». Такой «мелочью, ценной по воспоминаниям», стал стеклянный негатив фотографии имения в Городке, который тоже оказался в эмиграции, но, в отличие от своего владельца, вернулся в Россию, когда в 1969 г. дочери Виноградского, Татьяна и Екатерина, передали документы отца в дар Архиву Академии наук. Кусочек хрупкого стекла сохранил для нас облик имения, которого уже нет на земле, и память о котором была так дорога Сергею Николаевичу.

Проживая в Бри-Комт-Робер под Парижем с 1922 г., Виноградский знал, что от усадьбы и большого образцового хозяйства в Городке ничего не осталось. Ностальгия по родным местам посещала его до конца дней. Плодовый сад в Бри, третий по счету из посаженных им собственными руками, он с горькой иронией называл «эрзац-Городком», а в 1947 г. сетовал, что возраст не позволяет ему вернуться на родину.

Сегодня в Городке мало что напоминает о времени Виноградских: часовня на могиле отца, да редкие воспоминания сельчан, переданные старшим поколением младшим. Старый сахарный завод, получивший награду за качество выпускаемой продукции на Всемирной выставке в Париже в 1889 г., закончил дни в начале перестройки, сохранился лишь

зловещий каменный остов, который сельчанам пока не удалось разобрать на подручные стройматериалы (видно, добротная кирпичная кладка 1830-х гг. разрушается труднее, чем экономическое благополучие плодородного края, который многие годы привычно и не задумываясь называли «житницей»).

Этюды о большевизме

Роковой в истории страны 1917 год Виноградский провел в Одессе. Оторванный от своих хозяйственных начинаний и земель, которые теперь подлежали национализации, он имел много свободного времени, оставившегося от постоянных усилий обустроить свой новый аскетический быт (чем, впрочем, занималось большинство населения страны). В воспоминаниях он пишет:

Тогда я решил посвятить свое время ознакомлению с политическими и социальными вопросами, в частности, с историей французской революции, которую так усердно обезьянничали наши революционеры всех толков вплоть до милюковцев. Да и как ею не интересоваться ввиду параллельности событий, несмотря на разные эпохи: и там, и у нас был старый режим, и там, и у нас он кончился революцией. Как разгорелся революционный процесс? Каковы характеристики его заправил? Как он протекал, и что он обещает?

Много часов провел Сергей Николаевич в маленькой комнатке около печки-спасительницы, погруженный в чтение социальных трактатов. Эти штудии и вызвали у него охоту «выступить» в печати, чтобы поделиться раздумьями о революционных проявлениях большевизма. Калейдоскоп смен власти, происходивший в Одессе, застал ученого за чтением «Капитала» К. Маркса, объемного труда на английском языке Дж. Нойса под названием «Экспериментальный социализм» (1870 г. издания), материалов VIII Съезда РКП, которые возможно было извлечь из большевистской прессы 1919 г., а также социологических исследований французского психолога Г. Лебона. Только с приходом Добровольческой армии в Одессу в августе 1919 г. Виноградскому представилась реальная возможность предложить свои эссе суду читателей. Он получил приглашение сотрудничать в таких газетах, как «Единая Русь», «Южное Слово» и «Современное слово», издававшихся в Одессе считанные месяцы до окончательного прихода большевиков. В воспоминаниях говорится:

Вскоре [...] написал статейку в фельетонном жанре на тему «Царство ревидов», то есть революционных идиотов. Отнес в «Единую Русь», спрашивая себя, начало ли это моего журнализма, или останется отдельным эпизодом. На следующий же день мой фельетон появился в первом номере этой газеты. Он «имел успех», как сказал мне редактор Нилов, и просил продолжать. Дал ему другой фельетон «Платформа натуралиста». Этот второй номер был напечатан на коричневой оберточной бумаге, а дальше, кажется, газета и совсем прекратилась по недостатку бумаги. Газета «Южное Слово» была лучше снабжена, нашла больше сотрудников, между прочим Бунина, и выходила в большом формате.

Любому Вам спасибо
 Сергей Николаевич!
 Ваши статьи мне представляются поучительными.
 Особенно радостно Вашу статью читать. Буду очень
 рад, если будете издавать журнал «Южное Слово» и если
 к этому делу и в моем деле.
 Пожелаю и успехов
 Я. Овсяннико-Куликовский

Записка редактора «Южного Слова» Н. Д. Овсяннико-Куликовского.
 Одесса, 1919 г. (хранится в архиве Института Пастера в Париже)

Подводя итог революционным изменениям, произошедшим в обществе, Виноградский писал в статье «Революционная контрреволюция»:

Из безумия и хищничества во всех видах исключительно и складывается революционный процесс – болезненное осложнение нормально совершающейся или даже уже совершившейся эволюции. Здесь мы имеем дело с общими законами психологии или психопатологии масс. Умело используя их, якобинцы покорили Францию, большевики – Россию¹⁹.

А используя популярный жанр фельетона («Царство ревидов») Виноградский описал опыты государственного строительства и преобразований в обществе, которые с легкостью психически нездорового человека (идиота) проделывала новая власть:

Ревид, прежде всего, ненавидит весь существующий строй, в котором он не нашел себе места, ненавидит лютой, непримиримой ненавистью, направляющей все его мысли, чувства, стремления. Исправлять, улучшать этот строй он гнушается. Отчего, мол, раньше об этом не подумала буржуазная сволочь вместе с разными соглашателями и предателями; теперь уже поздно. Его же дело – сразу все разрушить, все перевернуть, поставить общественный организм на голову, вверх ногами. Ноги пускай подымаются к небу, голова бьется о камни, руки пускай поддерживают равновесие, [если] могут. И он любит радикальной переменой в положении частей и органов, и славословит себя как великого реформатора!²⁰

Параллельно с газетным дебютом Виноградский увлекся писанием значительных по объему очерков, которым дал общее название «Этюды о большевизме». Три больших очерка были посвящены трем отдельным сюжетам:

¹⁹ Виноградский Н. С. Революционная контрреволюция // Южное слово. 2(15) ноября 1919 г.

²⁰ Виноградский Н. С. Царство ревидов // Единая Русь. 31 августа (13 сентября) 1919 г.

Часовня на месте могилы Н. К. Виноградского. Городок, май 2007 г.

«Автопортрет большевизма» – анализу программных положений партии большевиков, выдвинутых Лениным на VIII партийном съезде в марте 1919 г.; «День мирного восстания» – провалившемуся мероприятию одесских большевиков по экспроприации имущества у широкого и социально неоднородного слоя городских жителей; «Деревня под игом Рабоче-крестьянского правительства» – текущему состоянию украинской деревни и неутешительным прогнозам в деле ее поголовной «социализации». Оценивая перспективы большевизма, Виноградский не предсказывал ему сколько-нибудь долгой жизни, в чем, безусловно, ошибался, но он безошибочно определил место этой «новой» идеологии в системе общечеловеческих ценностей, как «свалочное место в истории для великих преступлений против человечества»²¹.

Спустя более двух десятилетий после одесского опыта публицистики Виноградский писал:

Пересматривая теперь всю свою «литературу», когда все авторские чувства успели совершенно выветриться, нахожу ее совсем складной. Написано горячо, красочно, убедительно, талантливо. Есть основания пожалеть, что многое не попало в печать. «Этюды» были приняты издательством Добрармии для напечатания, но вскоре возвращены, и само это издательство вскоре прекратило существование.

²¹ Рукопись «Этюд о большевизме». Оригинал этого сочинения хранится в архиве Института Пастера в Париже. В 2006 г. Архиву РАН была любезно предоставлена копия.

Воспоминания «Летопись нашей жизни» представляют собой очень ценное свидетельство эпохи. Их автор – ученый с мировым именем, внесший фундаментальный вклад в науку XX столетия, а кроме того, – человек высокой культуры, аналитического склада ума, большого жизненного опыта. В черновых своих заметках к воспоминаниям, сделанных в 1945 г., Сергей Николаевич написал:

Когда меня не станет, «жизнь» моя останется на бумаге, если успею кончить писание. Правда, бумага эта может пойти на растопки или со временем на другое употребление, но это уже неизбежно.

Мы же надеемся, что «одиссея» этой рукописи уже окончилась, и она обрела почетный покой на полках документальных собраний Архива РАН. Как уже говорилось, сейчас ее текст готовится к изданию, и новая книга, как мы надеемся, не затеряется в бурном потоке мемуаристики, как не затерялись в свое время воспоминания Г. А. Гамова, Ф. Г. Добржанского, В. И. Ипатьева, М. М. Новикова, С. П. Тимошенко и других выдающихся соотечественников, имена которых давно и навсегда принадлежат мировой культуре.